PE Population and Economics

18+

Население и экономика 8(2): 56–81
DOI 10.3897/popecon.8.e103894

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Оценка общественного ущерба от преступлений и пропорциональность наказания ущербу: подход экономики права

Григорий В. Калягин [1]

1 *МГУ им. Ломоносова, Москва, 119991, Россия*

Получено 22 March 2023 ♦ **Принято в печать** 21 January 2024 ♦ **Опубликовано** 3 September 2024

Цитирование: GV Kalyagin (2024) Assessment of Social Damage from Crime and Proportionality of Punishment to Damage: Legal Economics Approach. Population and Economics 8(2):56–81. https://doi.org/10.3897/popecon.8.e103894

Аннотация

В статье рассматривается принцип пропорциональности тяжести наказания общественному ущербу от правонарушения с точки зрения экономики права и с точки зрения криминологии. Представлен обзор различных криминологических подходов к оценке общественного ущерба от преступлений разных типов, на основании которого делается вывод о том, что сколько-нибудь точное измерение этого ущерба в каждом конкретном случае не представляется возможным. В качестве основы для установления тяжести наказания пропорционально общественному ущербу от преступления весьма эффективной оказывается предложенная Селлином и Вольфгангом [Sellin, Wolfgang, 1964] методика рейтингования тяжести преступлений на основе социологических опросов, которая тоже не лишена недостатков. Заключение содержит предложения о синтезе всех рассмотренных в статье подходов к оценке общественного ущерба от преступности для установления общественно оптимальной тяжести наказания за правонарушения.

Ключевые слова

преступление, тяжесть наказания, общественный ущерб, принцип пропорциональности, оценка ущерба

Коды JEL: K14, K42

1. Введение

Принцип пропорциональности тяжести наказания ущербу, причиненному обществу преступлением, является фактически универсальным принципом, применяемым едва ли не во всех системах права. В частности, в соответствии с ч. 2 ст. 43 УК РФ «наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений». Правоведы считают наказание справед-

Copyright *Г.В. Калягин*. Статья находится в открытом доступе и в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution (CC-BY 4.0) может без ограничений использоваться, распространяться и воспроизводиться на любых носителях при условии указания авторов и источника.

ливым, если оно «соответствует характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного» [Уголовный кодекс..., ст. 6].

Этот принцип также играет важнейшую роль в подходе криминологов к политике наказания преступников: «Усилия по реформе вынесения приговоров, предпринятые с 1970-х годов несколькими европейскими странами (в частности, Финляндией, Швецией и, позднее, Великобританией), а также руководящие принципы вынесения приговоров, принятые некоторыми из этих стран и некоторыми штатами США, идут еще дальше и под влиянием так называемых «пустых» или «карательных» теорий прямо требуют, чтобы суровость наказания была пропорциональна серьезности преступления» [Paoli, Greenfield, 2013: 361].

Соответственно, криминологический подход к оценке общественного ущерба от преступлений должен был бы стать основой для разработки и проведения соответствующей политики наказания преступников. Проблема, однако, заключается в том, что оценить тяжесть преступления в большинстве случаев совсем не просто, а имеющиеся на сегодняшний день криминологические подходы к этой оценке весьма различны (и зачастую противоречивы) и, как следствие, дают очень разные оценки общественного ущерба от преступлений одного и того же типа. Эти оценки могут различаться в десятки раз, и не очень понятно, как на их основе проводить политику правоприменения и наказания преступников.

Нам представляется, что решением данной проблемы может стать синтез традиционных криминологических подходов и подхода экономистов, работающих в рамках исследовательской традиции экономики преступления и наказания. Последний подход, как нам представляется, во-первых, меньше страдает от внутренних противоречий по сравнению с подходом криминологов. Во-вторых, подход экономистов лучше, на наш взгляд, обосновывает целеполагание соответствующей политики, более убедительно отвечает на вопросы: *зачем* общество наказывает преступников, *чего* оно хочет от них добиться?

В соответствии с представлениями экономистов-криминологов, если основной целью наказания преступников является сдерживание (*deterrence*), тяжесть наказания для большинства преступлений должна быть даже не столько пропорциональна ущербу, сколько ранжирована для различных преступлений в соответствии с общественным ущербом от них. Учитывая, что преступления – это лишь поступки, которые в данном обществе, в данную эпоху считаются преступлениями, логичной выглядит идея американских социологов Т. Селлина и М. Вольфганга, впервые озвученная в их книге *The Measurement of Delinquency* [Sellin, Wolfgang, 1964]: почему бы не спросить у самих граждан, какие преступления они считают более, а какие менее серьезными? Этот подход за прошедшие 60 лет получил свое развитие во множестве исследований, и именно он представляется нам, во-первых, вполне достаточной, а во-вторых, наиболее перспективной основой для решения задачи оптимизации политики правоприменения и наказания преступников.

Перспективным направлением развития подхода Селлина – Вольфганга, с нашей точки зрения, будет переход от максимальной детализации правонарушений в такого рода опросах к выделению в них достаточно широких типов правонарушений, таких как, например, умышленное убийство из корыстных побуждений, или кража со взломом, или ограбление с использованием холодного/огнестрельного оружия и т.д., тогда как для сравнительной оценки серьезности конкретных преступлений соответствующего типа можно использовать, например, более традиционный бухгалтерский подход, или оценку этого ущерба снизу вверх. Нужно лишь не забывать, что для проведения политики сдерживания преступности важна не идеальная точность такого рода оценок (недостижимая, как мы увидим в дальнейшем), а лишь порядок, в котором выстраиваются разные преступления.

Настоящая работа устроена таким образом: в следующем разделе мы рассмотрим подход экономики преступления и наказания и подробно остановимся на экономических основаниях принципа пропорциональности тяжести наказания общественному ущербу от правонарушения. Раздел 3 посвящен обзору криминологических подходов к оценке общественного

ущерба от преступлений разных типов. В разделе 4 мы рассматриваем развитие подхода к этой оценке, основанного на социологических опросах – подхода Селлина – Вольфганга. Наконец, раздел 5 – Заключение – содержит основные выводы данной работы и рекомендации по установлению оптимальной с точки зрения общественного благосостояния шкалы наказания преступников с использованием элементов всех рассмотренных в работе подходов к оценке тяжести преступлений.

2. Пропорциональность наказания причиненному ущербу: подход экономики права

Один из самых известных (а также контринтуитивных и даже провокационных) выводов экономики преступления и наказания – это так называемый High Fine – Low Probability Result Г. Беккера, появившийся в его пионерной статье [Becker, 1968], которая и дала старт развитию экономики преступления и наказания как самостоятельной исследовательской традиции. Идея проста: если единственной целью наказания является сдерживание преступности («чтобы никому неповадно было»), а единственная форма наказания – денежный штраф, общественно оптимальным решением является установление максимально возможного наказания за все правонарушения: преступников, пусть и в неравной мере, сдерживают как тяжесть наказания, так и вероятность его наступления. Если, из чего и исходит Беккер, увеличение первой не связано для общества с издержками – денежное наказание представляет собой чистый трансферт, а увеличение второй всегда затратно, логично сначала использовать сдерживающий потенциал увеличения тяжести и лишь после того, как она достигнет своего максимума, обратиться ко второй составляющей – вероятности наступления наказания[1].

Иными словами, классическая целевая функция общества, пытающегося сдерживать преступность (с помощью пока исключительно денежного наказания), выглядит как:

$$O = \max_{f,e} \left(\int_{p(e)f}^{\bar{g}} (g - h) z(g) dg - e \right) \quad (1)$$

Здесь:

f – размер штрафа, устанавливаемая обществом тяжесть наказания за правонарушение;

$p(e)$ – вероятность того, что правонарушитель будет установлен, пойман и наказан, как функция от общественных расходов на правоприменение ($p'(e) > 0$, $p'(e) < 0$);

g – доход преступника от правонарушения ($\bar{g}$ – максимально возможный доход от правонарушения);

$z(g)$ – функция плотности распределения g;

h – ущерб общества от правонарушения.

Целевую функцию такого типа можно встретить во множестве работ, посвященных экономике преступления и наказания вообще и экономической теории сдерживания преступности в частности (см., например, [Becker, 1968; Garoupa, 1997; Polinsky, Shavell, 2007] и др.).

В целевой функции (1) наказание преступника представляет собой денежный трансферт, не связанный с какими-либо издержками для общества. При этом, как уже отмечалось, увеличение как вероятности, так и тяжести наказания сдерживают преступность. Отсюда напра-

1 Здесь стоит вспомнить о юридическом т.н. «принципе неотвратимости наказания», который в корректной интерпретации означает безусловное правило, в соответствии с которым вероятность наступления наказания за уголовное преступление всегда должна быть равна единице. К счастью, данный «принцип» фактически является лишь фигурой речи. Если бы он действительно имел силу безусловного принципа, обществу пришлось бы расходовать все имеющиеся в его распоряжении ресурсы на борьбу с преступлениями, причем даже не с самыми тяжкими.

шивается логичный вывод: в точке общественно оптимального уровня сдерживания преступности ($D^* = p(e^*)f^*$) тяжесть денежного наказания должна быть максимальной, а вероятность установлена на таком уровне, при котором выполняется условие:

$$D^* = p(e)f_{\max} \tag{2}$$

При таком подходе у общества есть возможность достичь оптимального уровня сдерживания преступности с минимально возможными издержками правоприменения.

Нам представляется, что именно провокационность и несправедливость сделанного Г. Беккером вывода дала толчок развитию экономического анализа уголовного права и общественного правоприменения – экономики преступления и наказания. Вывод Беккера, хоть и выглядит корректным, настолько непривлекателен, в первую очередь с этической точки зрения, что хочется попробовать его опровергнуть. Чем и занялись такие исследователи, как S. Shavell, M. Polinsky, L. Kaplow, N. Garoupa и др.

Результатом этих усилий стало если не полное опровержение HF–LP вывода Беккера, то, по крайней мере, очень существенное сокращение сферы его практического применения. Иными словами, этот результат остается корректным, а максимально возможная тяжесть наказания за все правонарушения, вне зависимости от их тяжести, оптимальным с точки зрения общественного благосостояния решением, если: 1) удельные издержки наказания преступников по крайней мере постоянны; 2) общество может установить вероятность наказания ex post, одновременно с установлением его тяжести; 3) тяжесть и вероятность наказания независимы друг от друга.

Первое из условий корректности беккеровского результата связано с издержками наказания правонарушителей: в модели Беккера единственным наказанием является денежное, а трансакционные издержки его взимания предполагаются даже не независимыми от размера штрафа, а вообще равными нулю. Легко экстраполировать логику Беккера на те ситуации, когда удельные издержки наказания – будь то штраф, тюремное заключение или любая другая форма наказания преступников – постоянны либо сокращаются с увеличением тяжести наказания. В таком случае пропорциональное сокращение вероятности и увеличение тяжести наказания приводит к тому же самому HF–LP результату: с точки зрения общественных издержек наказания нет разницы, будет ли преступник наказан тюремным заключением сроком 1 год с вероятностью 50% или сроком 10 лет с вероятностью 5%. Поэтому для общества, целью которого является минимизация суммы совокупного ущерба от преступлений и издержек наказаний преступников, логично будет поднять наказание до возможного максимума, пропорционально сократив его вероятность.

Эта логика, однако, не работает, если общественные издержки наказания растут быстрее, чем увеличивается тяжесть наказания – ситуация весьма реалистичная, например, когда речь идет о денежном наказании: чем меньше денег остается у человека, тем сложнее и дороже обойдется обществу взыскание с него дополнительного штрафа [Polinsky, Shavell, 1992]. В принципе, та же логика применима для любой формы наказания правонарушителей.

Формально данные рассуждения могут быть представлены следующим образом. Если общественные издержки взыскания штрафа являются постоянными, то есть не зависят от его размера, целевая функция общества (1) приобретает вид:

$$O = \max_{f,e}\left(\int_{p(e)f}^{\bar{g}} \left(g - h - p\left(e\right)l\right) z\left(g\right) dg - e \right) \tag{3}$$

Здесь l – издержки взыскания штрафа.

Очевидно, что HF–LP результат в случае ненулевых постоянных издержек взыскания штрафов сохраняется: для общества по-прежнему будет целесообразным установление максимально возможной тяжести наказания с пропорциональным сокращением его вероятности, так как оно тем самым добивается экономии на издержках правоприменения. Более того, теперь

установление максимально возможной тяжести денежного наказания с пропорциональным понижением его вероятности позволяет обществу экономить и на издержках взыскания штрафов, $p(e)l$.

Дифференцируя (3) по расходам на правоприменение e, получим следующее условие оптимального выбора:

$$p'(e^*)f_{\max}[h + p(e^*)l - p(e^*)f_{\max}]z(p(e^*)f_{\max}) = 1 + p'(e^*)l[1 - Z(p(e^*)f_{\max})]. \quad (4)$$

Здесь $Z(p(e^*)f)$ – кумулятивная функция распределения доходов от преступлений в точке оптимального для общества выбора параметров правоприменения (в данном случае этот параметр только один – расход на правоприменение e).

Левая часть (4) – это предельный выигрыш общества, вызванный сокращением числа совершаемых преступлений вследствие предельного увеличения вероятности наказания. Правая часть (4) – предельные издержки: первое слагаемое – предельное увеличение правоприменительных расходов, второе – предельное увеличение расходов на сбор штрафов, вызванное соответствующим ростом вероятности разоблачения и наказания преступников.

Из (4) мы не можем сделать однозначный вывод о том, как изменятся параметры оптимального правоприменения при введении постоянных издержек взыскания штрафов: в зависимости от конкретных функций плотности распределения доходов от преступлений (z), функции распределения этих доходов (Z), зависимости вероятности разоблачения и поимки преступника от общественных расходов на правоприменение ($p(e)$) и производной этой функции в точке оптимального выбора общества.

Далее рассмотрим более реалистичный, на наш взгляд, случай, когда издержки взыскания штрафа пропорциональны его размеру. Отметим, что увеличение издержек наложения штрафа с увеличением его размеров обусловлено тем фактом, что чем выше штраф, тем менее ликвидные активы правонарушителя необходимо привлечь для его уплаты: $l = l(f), l'(f) > 0, l'(f) > 0$.

Целевая функция при этом условии будет выглядеть так:

$$O = \max_{f,e}\left(\int_{p(e)f}^{\bar{g}} \left(g - h - p\left(e\right)l\left(f\right)\right) z\left(g\right) dg - e \right) \quad (5)$$

И в этом случае мы уже не можем сделать однозначный вывод об общественной эффективности HF–LP результата: увеличение размера штрафа уже не только позволяет обществу сократить издержки правоприменения e при заданном уровне сдерживания преступлений, определяемом ожидаемой тяжестью наказания $p(e)f$, но и вызывает рост общественных издержек взыскания штрафов.

Дифференцируя (5) по f и приравнивая полученную производную к нулю, получим:

$$p(e^*)[h + p(e^*)l(f^*) - p(e^*)f^*]z(p(e^*)f^*) = p(e^*)l'(f^*)[1 - Z(p(e^*)f^*)]. \quad (6)$$

Предельный выигрыш общества, связанный с увеличением тяжести наказания (размера штрафа), – левая часть (6) – в точке оптимального выбора должен быть равен предельным издержкам, вызванным увеличением общественных расходов на взыскание штрафов, – правая часть (6).

Второе из приведенных условий корректности вывода Беккера основано на предположении, что тяжесть и вероятность наказания (произведение которых представляет собой параметр сдерживания преступности и таким образом отвечает за ее уровень в обществе) устанавливаются обществом одновременно, после раскрытия преступления и поимки преступника. Этот случай, однако, представляется малореалистичным: на этапе регистрации преступления общество скорее всего в состоянии оценить ущерб от него, но, как правило, имеет мало информации о личности преступника. Последнее обстоятельство важно для установления оптимального уровня сдерживания, так как последний зависит: от отношения правонарушителя к риску [Becker, 1968; Privileggi et al., 2001]; от дохода, которым располагает преступник

[Polinsky, Shavell, 1991; Garoupa, 2001]; от его способности уйти от наказания [Bebchuk, Kaplow, 1993]; от того, насколько точно преступник оценивает тяжесть и, самое главное, вероятность наказания ex ante [Bebchuk, Kaplow, 1992; Ben-Shahar, 1997] и т.д. Иными словами, для различающихся по целому ряду характеристик преступников наилучшим с точки зрения общественного благосостояния решением было бы установление собственного оптимального уровня сдерживания (ожидаемой тяжести наказания). Но так как обществу a priori не известно, кто конкретно совершил то или иное преступление, ему приходится ex ante устанавливать одну и ту же вероятность наказания для всех преступлений определенного типа и уже после поимки преступника, предъявления ему обвинений и выяснения, например, размеров его располагаемых доходов приводить уровень сдерживания для всех правонарушителей с примерно такими же доходами к оптимальному уровню, варьируя тяжесть наказания. Таким образом, HF–LP принцип во всех перечисленных случаях не применяется, а общественно оптимальная тяжесть наказания для подавляющего большинства правонарушений оказывается пропорциональной его общественному ущербу.

В этом случае целевая функция общества очень похожа на функцию (1), но экзогенно заданные расходы на правоприменение фиксируют вероятность наказания, и единственной переменной остается его тяжесть:

$$O = \max_{f}\left(\int\limits_{\bar{p}(\bar{e})f}^{\bar{g}} (g-h)\, z(g)\, dg - \bar{e} \right) \tag{7}$$

Откуда:

$$f^{*} = \frac{h}{\bar{p}(\bar{e})} \tag{8}$$

Иными словами, при таких условиях общественно оптимальный размер штрафа перестает быть максимально возможным и становится пропорциональным ущербу от правонарушения. Соответственно, HF–LP результат Гэрри Беккера перестает быть актуальным.

Пусть одни и те же расходы $\bar{e}$ дают разные вероятности раскрытия двух преступлений одного типа: $p_1(\bar{e}) > p_2(\bar{e})$. Пусть тяжесть наказания будет установлена на максимально возможном уровне для обоих преступлений, а оптимальный параметр сдерживания преступности равен:

$$\left(fp(\bar{e})\right)^{*} = f_{\max} p_2(\bar{e}) \tag{9}$$

В этом случае будет иметь место излишнее сдерживание (***overdeterrence***) преступлений первого типа, вероятность раскрытия которых при тех же расходах на правоприменение выше, чем у второго типа преступлений. Если же привязать оптимальный параметр сдерживания к преступлениям первого типа ($(fp(\bar{e}))^{*} = f_{\max} p_1(\bar{e})$), то есть, предположить, что общественные расходы на правоприменение в объеме $\bar{e}$ дадут вероятности раскрытия p_1, будет иметь место недостаточное сдерживание (***underdeterrence***) хуже раскрываемых преступлений второго типа.

Очевидным общественно оптимальным решением в таком случае будет установление общественных расходов на правоприменение на уровне, соответствующем (9). При этом тяжесть наказания за преступления первого типа (лучше раскрываемые) общество устанавливает ex post, пропорционально ущербу от правонарушения:

$$\left(fp(\bar{e})\right)^{*} = f_1^{*} p_1(\bar{e}) = h \tag{10}$$

Наконец, еще одним фактором, затрудняющим практическое применение HF–LP принципа, является зависимость тяжести наказания от его вероятности: увеличение тяжести наказания для определенных категорий преступников может вызвать сокращение его вероятности по ряду причин. В частности, принцип предельного сдерживания предполагает, что наказание за правонарушение определенного типа должно быть пропорционально его тяжести [Shavell,

1992; Mookherjee, Png, 1994; Friedman, Sjostrom, 1993], так как в противном случае индивиды, собирающиеся, например, ограбить банк, которых обществу не удалось удержать от этого плана с помощью максимального наказания и его вероятности, соответствующей общественно оптимальному уровню сдерживания для грабителей банков, выберут такой вариант ограбления, который максимально сократит для них вероятность быть пойманными. Издержки общества, связанные с ограблением банка, вообще не будут приниматься преступниками во внимание. В такой ситуации, установив одинаковое (и максимально возможное!) наказание за все попытки ограбления банков, общество фактически стимулирует грабителей на то, чтобы не оставлять в живых свидетелей: тяжесть наказания все равно максимальная, а отсутствие свидетелей сокращает вероятность наказания. Чтобы избежать этого, необходимо сделать тяжесть наказания пропорциональной величине ущерба, причиненного обществу преступлением.

Еще один пример зависимости между тяжестью и вероятностью наказания – так называемые преступления без жертв, к которым относятся, в частности, торговля наркотиками или другими запрещенными товарами и услугами, коррупционные преступления и т.п. [Lott, Roberts, 1989; Garoupa, Jellal, 2007; Lambsdorff, Nell, 2007; Basu et al., 2016]. Такого рода правонарушения представляют собой добровольные сделки, вероятность раскрытия которых для общества по умолчанию стремится к нулю: участники такой сделки разойдутся вполне удовлетворенными, и ни один из них не сообщит в полицию об этой сделке. Тем более этого не произойдет, если обе стороны такой сделки в случае, если она все же будет раскрыта, подвергнутся одинаковому, максимально возможному наказанию. Очевидное и достаточно популярное решение данной проблемы – асимметричное наказание участников преступной сделки: если мы будем наказывать только одну из ее сторон, или, по крайней мере, тяжесть наказания для ее участников будет зависеть от предмета сделки и места, которое в ней занимает каждый из ее участников, или от того, кто из них первый обратится в полицию, вероятность того, что такое преступление будет раскрыто, существенно вырастет. Кроме того, тот факт, что участники потенциальной сделки знают об асимметричности наказания для сторон, участвующих в ней, сильно подрывает доверие между ними и, как следствие, сокращает число таких сделок и общественный ущерб от них.

Также связь между тяжестью и вероятностью наказания необходимо учитывать, если общество хочет создать для правонарушителей стимулы к добровольному признанию в преступлениях [Innes, 1999; Feess, Heesen, 2002]. Явка с повинной, очевидно, сокращает общественные издержки правоприменения, а потому должна всячески поощряться.

Наконец, как показывает практика, обратная зависимость между тяжестью и вероятностью наказания связана с правовым принципом обоснованного сомнения [Andreoni, 1991]: чем большей тяжести наказание ждет подсудимого в случае признания его виновным, тем более серьезные доказательства требуются судьям или присяжным для того, чтобы они приняли обвинительное решение; следовательно, тем меньше вероятность такого решения.

Целевая функция общества в этом случае будет выглядеть следующим образом:

$$O = \max_{f,e}\left(\int\limits_{p(e,f)f}^{\overline{g}} (g-h)\, z(g)\, dg - e \right) \tag{11}$$

Где $\dfrac{\partial p}{\partial f} < 0$.

Решение данной задачи приводит нас в том числе к следующему условию оптимального, с точки зрения общественного благосостояния, общественного выбора:

$$f^{*} = -\frac{p}{p'_{f}} \tag{12}$$

Иными словами, если тяжесть и вероятность наказания связаны обратной связью, наблюдается внутренний оптимум тяжести.

Все перечисленное позволяет говорить о фактическом снятии экономистами-криминологами полученного Г. Беккером HF–LP результата и о том, что принцип пропорциональности тяжести оптимального наказания размеру общественного ущерба от правонарушения обоснован в том числе и с экономической точки зрения. Таким образом, для установления общественно оптимальной тяжести наказания, чтобы избежать избыточного (***overdeterrence***) и недостаточного (***underdeterrence***) сдерживания, необходима достаточно правдоподобная и точная оценка общественного ущерба от правонарушения.

Необходимо сказать несколько слов о том, как общественный ущерб от преступлений формализуется в экономических моделях. Прежде всего, общественный ущерб от правонарушения, как правило, задается экзогенно, как некоторая константа. Более того, как можно было увидеть выше, единственным фактором, по которому дифференцируются индивиды, являются доходы, которые они получают от своих, в том числе гипотетических, правонарушений, тогда как общественный ущерб принимается одинаковым для всех правонарушений. Принятие этой очевидно нереалистичной предпосылки существенно увеличивает операциональность экономических моделей без сколько-нибудь серьезных содержательных потерь.

В частности, если мы примем, что атрибутом каждого индивида является не только доход от правонарушения, но и его общественный ущерб, целевая функция общества (1) примет следующий вид:

$$O = \max_{f,e}\left(\int_0^{\bar{h}}\int_{p(e)f}^{\bar{g}}(g-h)\,z(g)\,dgdh - e\right) \tag{13}$$

Однако в большинстве работ целевая функция общества ограничивается одним интегралом, потому что, во-первых, дифференцирование по переменному нижнему пределу уже двойного интеграла существенно усложняет алгебру. Во-вторых, подход с интегральным распределением не только доходов потенциальных правонарушителей, но и общественного ущерба от преступлений имеет смысл, только если доходы и этот ущерб существенно коррелированы, что для большинства типов преступлений далеко не очевидно.

Если же корреляция между доходом преступника и общественным ущербом отсутствует, то есть все преступники, реальные и потенциальные, распределены по единственному параметру – доходу от преступления, возможны два варианта легитимных решений при моделировании правоприменения для установления параметров оптимального сдерживания, выбор между которыми может быть сделан в зависимости от исследовательской задачи, решаемой этим моделированием. Во-первых, возможно принятие средней величины ущерба от правонарушения в качестве единой для всех преступлений: как было отмечено выше, чаще всего в моделях ущерб от правонарушения задается экзогенно, поэтому данный подход позволяет привязать параметры оптимального сдерживания преступности (прежде всего тяжесть и вероятность наказания) к этой константе.

Во-вторых, можно сделать моделирование более реалистичным, ограничив анализ одним типом правонарушений и приняв одинаковым ущерб от всех правонарушений этого типа. Это тем более актуально, так как реальную величину ущерба от преступлений оценить, как мы увидим ниже, весьма непросто, а решение о выделении средств на раскрытие преступления и поимку преступника обществу часто приходится принимать, не зная точно реального ущерба от соответствующего преступления.

Наконец, что, собственно, экономисты понимают под ущербом общества от преступлений (этот вопрос, как мы увидим ниже, весьма актуален для криминологов, и ответы на него не так однозначны). Хотя напрямую данный вопрос экономистами фактически не поднимается, однако в подавляющем большинстве исследований под этим ущербом имплицит-

но полагается, во-первых, непосредственный ущерб как прямых жертв преступлений, так и третьих лиц, которым преступными действиями был причинен косвенный ущерб (в эту категорию, например, попадают пассажиры железной дороги, чей поезд не смог отправиться по расписанию из-за теракта, случившегося на его маршруте). Во-вторых, к ущербу от преступления относятся также потери общества от подрываемых этим преступлением стимулов. Сюда относятся, например, дополнительные меры по защите от угона автомобиля, который его хозяин вынужден регулярно парковать в неблагополучном районе, издержки возведения высоких и прочных заборов в таких районах, издержки найма дополнительной охраны и т.д. Также к этой категории относится подрыв стимулов, вызванный нарушением формальных правил так называемыми преступлениями без жертв. Например, пусть общество (в лице своих законодателей и правоприменителей) установило такой размер штрафа за определенное нарушение правил дорожного движения, который обеспечивает первый наилучший уровень сдерживания данных правонарушений. В таком случае замена штрафа взяткой (заведомо меньшего, чем штраф, размера) ослабляет сдерживание и увеличивает ожидаемый общественный ущерб от дорожно-транспортных происшествий, вызывая тем самым дополнительные издержки для общества[2].

Отметим также, что криминологи часто относят к составляющим общественного ущерба от преступлений то, что экономисты не считают таковым. Во-первых, частью общественного ущерба не является стоимость украденной или иным образом незаконно присвоенной в результате преступления собственности: по сути, в этом случае речь идет о трансакции, пусть и недобровольной. Основная составляющая ценности этой собственности для общества никуда не пропадает, хотя может быть сокращена как за счет физического ущерба, причиненного данной собственности в результате преступления, так и за счет неэффективной аллокации ресурсов – объект собственности в итоге достается не тому, кто максимально его оценивает.

Во-вторых, к общественному ущербу от конкретного преступления не имеет никакого отношения число аналогичных преступлений, совершаемых в данной стране, регионе или городе. Соответственно, нет никаких оснований привязывать тяжесть наказания, например, за квартирную кражу к числу такого рода краж, совершенных в определенном месте за определенный срок.

Наконец, общественные издержки правоприменения и наказания преступников в работах экономистов (в том числе рассмотренных выше: Polinsky, Shavell [1984;1992]) хотя и оказывают влияние на общественно оптимальную тяжесть наказания, но не рассматриваются в качестве составляющей общественного ущерба от преступления: оптимальные тяжесть и вероятность наказания и, соответственно, общественные расходы на них определяются законодателями и правоприменители, исходя в том числе из вреда, который был причинен обществу данным преступлением, поэтому смешивать эти категории неправильно с операциональной точки зрения.

3. Криминологические подходы к оценке ущерба от преступлений

Итак, если тяжесть ущерба от правонарушения является, по более или менее общему убеждению, основой для определения оптимальной с точки зрения общества тяжести наказания, необходимо оценить данный ущерб. Экономисты-криминологи, как правило, исходят из того, что оценить со стороны общественный ущерб от преступления проще, чем доход, который получает от него преступник (см. [Shavell, 1987]). Но и оценка ущерба от правонарушений представляется сложной и далеко не всегда решаемой задачей.

2 Вывод о том, что коррупция в правоохранительных органах всегда ослабляет сдерживание, см., например, у Bowles, Garoupa [1997]; Chang and al. [2000]; Polinsky, Shavell [2001].

Ущерб общества от преступлений, с одной стороны, включает в себя более или менее очевидную материальную составляющую: утраченное жертвами преступлений имущество, их медицинские расходы, потеря трудоспособности или даже жизни, а также затраты, связанные с изменением поведения. С другой стороны, существует и менее очевидная, но тоже зачастую значительная, нематериальная составляющая этого ущерба, связанная с физическими и психологическими нагрузками, обусловленными преступной виктимизацией и страхом перед ней.

Хотя оценка этой второй составляющей общественных издержек преступлений гораздо более сложна по сравнению с первой и так или иначе всегда субъективна, игнорировать ее невозможно. В частности, в исследовании [Miller et al., 1996] оценивается исключительно материальная составляющая потерь жертв от таких преступлений, как сексуальное насилие ($7300) и жестокое обращение с детьми ($11400). Такие оценки ущерба жертв этих серьезных преступлений представляются сильно заниженными не только нам (см., например, [Heaton, 2010]). В качестве оснований для оценки нематериальной составляющей потерь от преступлений используются, например, величины надбавок к заработной плате, обусловленные профессиональным риском, или принятые судами присяжных размеры компенсаций пострадавшим от соответствующих правонарушений.

Тот факт, что ущерб общества от преступлений неоднороден и складывается из этих двух составляющих, – важнейший фактор, обусловливающий параллельное существование нескольких значительно отличающихся друг от друга методологических подходов к оценке общественного ущерба от преступности. Остановимся на них подробнее.

Бухгалтерский подход к оценке общественного ущерба от преступлений пытается определить все индивидуальные затраты, связанные с преступностью, которые несут отдельные лица и общество, и оценить эти затраты в деньгах.

Одним из самых цитируемых исследований затрат на преступление является упомянутая выше работа Miller et al. [1996]. Нематериальные затраты были оценены с использованием данных о надбавках к заработной плате за профессиональный риск и о вынесенных присяжными решениях о компенсациях за боль и страдания жертвам преступлений и пожаров. Многие из источников данных и основных подходов Миллера с соавторами использовались в других исследованиях издержек преступления. В частности, на основе бухгалтерского подхода М. Коэном и его коллегами [Cohen, 1998, 2005; Cohen et al., 1994; Miller et al., 1996] была разработана популярная методика монетизации криминальной карьеры преступника, оценки внешних издержек этой карьеры в течение всей жизни преступника:

$$\sum_{ij} (1-\beta)^{j-1} \lambda_{ij} \left[VC_j + CJ_i + CI * T_i + W * T_i \right] \quad (14)$$

Здесь λ – среднее число преступлений, *VC* – издержки преступления для жертвы, *CJ* – издержки правоприменения и осуждения преступника, *CI* – издержки одного дня тюремного заключения, β – ставка дисконтирования, *T* – период времени в днях, *W* – альтернативные издержки преступника, неполученный им легальный доход, *i* – преступления, *j* – периоды.

Расходы потерпевших включают материальные и нематериальные затраты, а также риск смерти, если речь идет об убийстве. Издержки уголовного правосудия включают в себя расходы на расследование, судебную защиту, лишение свободы, условно-досрочное освобождение и испытательный срок. Потерянный заработок равен среднему годовому доходу, неполученному из-за лишения свободы [Cohen, 1998].

В этой работе М. Коэн оценил внешние издержки успешной криминальной карьеры молодого преступника в 1,5–1,8 млн USD. Из них 50% связаны с сокращением качества жизни потенциальных жертв правонарушителя, 25% – материальные издержки жертв его преступлений, 20% – расходы правоохранительной системы, 5% – сокращение производительности труда.

В работе DeLisi, Gatling [2003], выполненной по аналогичной методике, было установлено, что средняя карьера правонарушителя стоит более чем 831 тыс. USD издержек потерпевших,

почти 275 тыс. USD издержек системы уголовного правоприменения и правосудия и более 29 тыс. USD потерь производительности. Средний размер издержек в расчете на карьеру одного преступника составил более 1,14 миллиона долларов.

Стоит, однако, обратить внимание на то, что предложенная Коэном методика оценивает именно *внешние* издержки криминальной карьеры преступника. Это не оценка чистого общественного ущерба от преступлений. Последний скорее всего будет ниже, так как, во-первых, подход Коэна не учитывает доход, получаемый преступниками от их правонарушений (как мы знаем, преступление – это лишь то, что общество считает таковым здесь и сейчас), и этот доход вполне может превышать его ущерб для окружающих. В любом случае доход, получаемый преступником от правонарушения: 1) по крайней мере покрывает какую-то часть общественного ущерба; 2) нельзя не включить в функцию общественного благосостояния.

Во-вторых, методика Коэна включает в себя альтернативные издержки преступника, неполученный им легальный доход, который, очевидно, предполагает создание некоторой добавленной стоимости. Но с таким же успехом мы можем включить альтернативные издержки во внешние издержки практически любой человеческой деятельности: далеко не все люди (можно даже предположить, что таких единицы) занимаются самым подходящим и наиболее доходным для них делом, учитывая все имеющиеся у каждого из них навыки и таланты. Поэтому включать альтернативные издержки в функцию внешних издержек преступности, на наш взгляд, не вполне корректно.

Метод условной оценки (Contingent Valuation). Этот метод основан на полученной с помощью опросов информации об индивидуальной готовности платить за снижение уровня преступности. Основное преимущество условной оценки заключается в том, что она отражает общую готовность платить за конкретную программу борьбы с преступностью и таким образом охватывает как материальные, так и нематериальные затраты. По сравнению с бухгалтерским методом, эта оценка, скорее всего, лучше отражает некоторые нематериальные затраты, которые трудно объективно измерить, например страх перед преступностью или невозможность использования общественных пространств из-за преступности.

Сравнивая ответы на опросы с фактическими платежами и без них, исследователи продемонстрировали, что гипотетически выраженная готовность платить иногда в несколько раз превышает фактическую [Harrison, Rutström, 2008]. В частности, индивиды готовы платить за предотвращение вооруженного нападения на себя 1,2 млн USD [Ludwig, Cook, 2001], тогда как средние издержки вооруженного нападения с серьезным ущербом составляют 52,000 USD (по британским данным [Atkinson et al., 2005]).

Метод условной оценки в литературе иногда называют оценкой *«сверху вниз»* ("top-down" approach, см., например, [Cohen et al., 2004; Atkinson et al., 2005]). Его альтернативой выступает оценка общественного ущерба от преступлений *«снизу вверх»*, которую можно назвать расширенным бухгалтерским подходом: отдельно оцениваются все компоненты издержек правонарушений, а применяемые при этом методики могут, помимо традиционной рыночной, или бухгалтерской, оценки действительно имевших место издержек, включать в себя элементы оценки, основанной на *гедонистическом ценообразовании* (см. ниже).

Пример оценки общественных издержек преступности снизу вверх – исследование [Anderson, 2011], в котором автор предлагает следующую типологию этих издержек (детализация четырех перечисленных здесь типов общественных издержек преступности по Д. Андерсону представлена в Приложении 1):

1. Товары и услуги, производство которых обусловлено преступностью, иными словами, они были бы не нужны при отсутствии преступлений.
2. Альтернативная стоимость времени, потраченного на деятельность, связанную с преступлениями. («Преступления также требуют времени для их планирования и совершения, и, таким образом, связаны с альтернативными издержками времени преступников, не-

зависимо от задержания и тюремного заключения. Многие люди делают преступление своим основным занятием. Общество лишается товаров и услуг, которые преступник мог бы произвести за время, потраченное на преступление, если бы жизнь этого человека пошла по другому пути» [Anderson, 2011: 221].)

3. Неявные затраты, связанные с риском для жизни и здоровья. («Психические издержки насильственных преступлений включают в себя страх быть раненым или убитым и агонию жертв преступлений. Прямые расходы на предупреждение преступности предназначены для покрытия этих расходов, но превентивные меры ограничены в своей способности сдерживать преступность. Поскольку преступность сохраняется, сохраняется и существенная угроза жизни и здоровью» [Anderson, 2011: 222-223].)
4. Ценность преступных трансферов.

Об этой последней составляющей общественного ущерба от правонарушений стоит дополнительно сказать несколько слов. Сам по себе переход объекта собственности от одного индивида к другому в общем случае не сокращает общественного благосостояния, даже если эта трансакция не была добровольной. Некоторые правомочия могут быть защищены не правилом собственности, а правилом ответственности, то есть их переход в таком случае также представляет собой недобровольную трансакцию. При этом целью суда или законодателя, устанавливающих данное право, вполне может быть (и действительно является) прирост общественного богатства.

Однако любая недобровольная и противозаконная трансакция так или иначе искажает рыночный механизм: объект собственности достается не тому, кто готов больше за него заплатить в условиях конкуренции, а кому-то другому, выбранному по каким-то иным критериям (например, угнанный автовором автомобиль продается на запчасти специализирующемуся на таких сделках перекупщику по цене меньшей той, по которой этот автомобиль мог бы быть продан на рынке). С другой стороны, если трансакционные издержки добровольного обмена запретительно высоки, недобровольные, в том числе даже криминальные трансакции теоретически могут способствовать росту общественного благосостояния. В качестве аналогии, очень хорошо здесь подходящей, можно привести защиту прав собственности правилом ответственности, когда суд признает законным отчуждение правомочия даже без согласия собственника.

Поэтому все методики оценки общественного ущерба от преступлений, напрямую включающие в себя материальный ущерб их жертв, как минимум вызывают серьезные вопросы, а как максимум – некорректны.

Кроме того, оценка реальных потерь общества от преступлений, соответствующая бухгалтерскому подходу и несколько более широкому подходу «снизу вверх», и оценка готовности людей платить за предотвращение возможных преступлений против себя и своей собственности, соответствующая методу условной оценки или подходу «сверху вниз», являются скорее комплементами, а не субститутами. Более того, при прочих равных условиях, чем выше число совершаемых преступлений, тем больше люди будут склонны тратить на их предотвращение. Поэтому некоторые исследователи суммируют оценки, полученные с помощью этих двух подходов (см., например: [Cohen, Piquero, 2009; DeLisi et al., 2010]). Обзор результатов некоторых часто цитируемых оценок общественного ущерба от преступлений различных типов представлен в Таблице 1. Обратим внимание на серьезные расхождения в оценках для преступлений одного и того же типа. В особенности заметна, что уже было упомянуто выше, разница между цифрами общественного ущерба от правонарушений, полученными с использованием бухгалтерского подхода и метода условной оценки.

Наконец, упомянутый выше *гедонистический* подход к оценке общественного ущерба от правонарушений позволяет оценить влияние, которое преступность оказывает на цены, уплачиваемые за товары или услуги. В первую очередь речь идет о разнице в ценах на жилье в районах с низким и высоким уровнем преступности (см., например, [Linden, Rockoff,

2008]; обзор таких исследований см. в [Ihlanfeldt, Mayock, 2010]). Гедонистический подход к оценке общественного ущерба от преступлений значительно менее популярен у исследователей по сравнению с альтернативными подходами, о которых мы говорили выше. Это вполне объяснимо. Во-первых, с его помощью практически невозможно оценить потери общества от правонарушений разных типов: жилье в неблагополучных районах стоит дешевле по совокупности факторов, включая преступления разных типов. Вычленение потерь общественного богатства, например, от краж со взломом или вооруженных нападений представляется крайне затруднительным. Во-вторых, далеко не все преступления связаны с соседями и местом жительства: общественные потери от киберпреступности, например, этим методом оценить невозможно. В-третьих, отсутствует общепринятая, консенсусная методика такой оценки: понятно, что цены на недвижимость реагируют на преступность, но непонятно, в какой мере на какую. Некоторые исследователи используют в качестве объясняющей переменной общий уровень преступности в соответствующем районе [Case, Mayer, 1996; Kain, Quigley, 1970], другие отдельно оценивают воздействие на цены на недвижимость преступлений против собственности (property crime) и насильственных преступлений (violent crime) [Lynch, Rasmussen, 2001; Schwartz et al., 2003; Thaler, 1978]. Третьи оценивают влияние на эти цены количества совершаемых преступлений конкретных типов – убийств, вооруженных ограблений, краж со взломом и т.д. [Gibbons, 2004; Clark, Cosgrove, 1990; Troy, Grove, 2008]. Также нет единства в понимании того, что такое «уровень преступности»: это может быть число преступлений определенного типа, совершаемых в расчете на душу населения, и этот подход можно признать доминирующим [Thaler, 1978; Gray, Joelson, 1979; Case, Mayer, 1996; Troy, Grove, 2008], или на единицу площади [Ihlanfeldt, Mayock, 2010].

В целом, как бы ни оценивалось влияние уровня преступности на цену недвижимости, отрицательная взаимосвязь была получена почти во всех исследованиях такого рода. В частности, в исследовании [Hellman, Naroff, 1979] авторы приходят к выводу, что снижение общего уровня преступности на 1% приведет к увеличению стоимости недвижимости на 0,6%, а в работе [Inlanfeldt, Mayock, 2010] указывается, что увеличение на 1% числа насильственных преступлений в районе приводит к сокращению цены на недвижимость в этом районе на 0,25%.

Помимо перечисленных выше существует еще целый ряд факторов, затрудняющих сколько-нибудь точную оценку общественного ущерба от конкретных правонарушений.

Во-первых, самая виктимная группа, на которую приходится значительная часть издержек преступлений, – сами правонарушители. Как показывает практика, именно профессиональные преступники, ведущие соответствующий образ жизни, который можно назвать криминальным, значительно чаще попадают в разного рода криминальные ситуации. Этот факт усложняет не столько оценку потерь общества от конкретного преступления, сколько оценку его потерь от преступности в целом: с одной стороны, профессиональный преступник, убитый в ходе бандитской перестрелки, – это общественный ущерб от убийства, как бы его ни оценивать. С другой стороны, таким образом прерывается криминальная карьера убитого преступника, и он уже больше не сможет причинить своими действиями ущерб обществу. Описанная проблема может быть решена, по крайней мере, отчасти, если мы обратимся к предложенной А. Эрлихом концепции рынка преступлений [Ehrlich, 1996, 2010]. Логика Эрлиха очень проста: предложение на рынке преступлений определяется доходами, которые преступники получают от них. Если предложение преступлений неэластично по доходам от них, что характерно для преступлений страсти, преступлений, совершаемых маньяками, а также преступлений, для совершения которых необходимы специальные и эксклюзивные знания и умения, уход данного преступника с рынка соответственно сокращает будущий общественный ущерб. На место арестованного или уничтоженного маньяка не приходит автоматически новый, и число преступлений такого рода сокращается. Поэтому в таких случаях мы действительно можем говорить о двойственных последствиях виктимизации преступников для общества.

Если же кривая предложения преступлений эластична по доходу от них, что характерно для подавляющего большинства преступлений, на место покинувшего рынок правонарушений преступника приходит новый, и выигрыш общества от прерывания преступной карьеры если не падает до нуля, то существенно сокращается.

Во-вторых, ущерб от разных преступлений одного типа может отличаться весьма существенно. Как уже отмечалось выше, пытаться ограбить банк можно множеством разных способов, от взлома защиты сервера банка, не выходя из дома, до вооруженного ограбления с захватом большого числа заложников и с возможными человеческими жертвами. Естественно, говорить об общественном ущербе от ограбления банка вообще достаточно сложно. Можно лишь попытаться подсчитать ущерб общества от конкретной попытки ограбления. То же самое в большей или меньшей степени касается всех типов преступлений, поэтому, когда экономисты-криминологи говорят, например, об общественном ущербе от кражи со взломом, имеется в виду средний общественный ущерб от такого рода кражи.

В-третьих, трудно, если вообще возможно, оценить ущерб со-жертв: родственников жертвы и самого преступника, их друзей, знакомых и всех остальных индивидов, чья полезность положительно связана с полезностью жертвы и/или преступника. Этот элемент вообще не учитывается в работах, посвященных эмпирической оценке общественного ущерба от преступлений, то есть можно говорить о систематическом занижении этой оценки. С другой стороны, в ряде случаев полезность преступника и/или жертвы может быть связана с полезностями других индивидов обратной связью, что может объясняться, например, соображениями возмездия и восстановления справедливости. В таких случаях при оценке чистого общественного ущерба от правонарушений систематически упускается элемент, сокращающий, а не увеличивающий этот ущерб.

В-четвертых, оцениваемые издержки преступлений чувствительны к работе полиции: чем лучше она работает, тем больше преступлений регистрируется и тем больше, при прочих равных, общественный ущерб от них.

В-пятых, некоторые преступления приносят ущерб, который общество не оценивает совсем или серьезно недооценивает. К таким преступлениям относятся, например, некоторые случаи загрязнения окружающей среды, не повлекшие немедленной катастрофы, некоторые виды мелкого мошенничества, преступления без жертв, когда для того, чтобы установить сам факт события преступления, необходимо заявление одного из участников преступной сделки, которое не будет подано, если не возникнет серьезного конфликта между ее сторонами. Таким образом, этот и два предыдущих пункта данного перечня позволяют нам говорить о систематической недооценке общественных потерь от преступлений.

В-шестых, ущерб общества от конкретных преступлений зависит от контекста – времени и места: «В регионах с высоким уровнем преступности мелкие правонарушения могут в крайнем случае создать лишь небольшой дискомфорт. Поэтому издержки таких преступлений могут быть довольно низкими. Напротив, районы, относительно изолированные от какой бы то ни было преступной деятельности, могут в гораздо большей степени пострадать от аналогичного правонарушения» [Lynch, 2010: 284].

Более того, преступление – это лишь то, что общество считает таковым в данное время и в данном месте: «Преступления не существует. Существуют поступки, которые в условиях того или иного общества становятся преступлениями» [Кристи, 2011: 18]. Соответственно, и общественный ущерб от двух совершенно одинаковых поступков может существенно различаться в зависимости от того, где и когда они были совершены.

Таким образом, на основании всего сказанного выше можно сделать вывод о том, что выполненные по различным методикам оценки общественного ущерба от правонарушений не могут служить сколько-нибудь надежным основанием для принятия политических решений в силу большого количества противоречий, присущих каждому из описанных подходов. Расхождения в эмпирических оценках ущерба от правонарушений, рассчитанных по разным методикам, проиллюстрирован таблицей в Приложении 2.

4. Оценка серьезности преступлений на основе общественного мнения

Вспомним, зачем, помимо простого любопытства, обществу может быть нужна информация об ущербе от совершаемых правонарушений: «Двумя возможными мотивами для денежной оценки преступности и преступлений являются (1) полезность в направлении ограниченных государственных ресурсов на борьбу с преступностью и (2) полезность в обеспечении того, чтобы базовые принципы вынесения приговоров были такими, чтобы наказание соответствовало преступлению» [Lynch, 2010: 287]. Первая часть этого утверждения касается совокупного общественного ущерба от преступлений, для оценки которого нет необходимости в сколько-нибудь точном определении размера ущерба от различных правонарушений.

Здесь нас в большей степени интересует вопрос об оценке сравнительного ущерба от различных типов преступлений. С учетом всех описанных в этом разделе сложностей, связанных с точной оценкой ущерба от конкретных правонарушений, нам представляется весьма перспективным подход, предложенный в работе Sellin, Wolfgang [1964] и основанный на опросах общественного мнения [Wellford, Wiatrowski, 1975]. В этой работе, положившей начало целому направлению криминологических исследований, авторы предложили метод количественной оценки серьезности различных преступлений, названный ими «индекс серьезности преступления». Для его расчета нескольким группам респондентов было предложено ранжировать преступления разных типов по уровню серьезности. Стоит заметить, что в этой работе был применен сценарный подход к классификации преступлений: респондентам предлагалось сравнить между собой не абстрактные кражи, ограбления и убийства, а достаточно конкретные преступления, даже с некоторыми подробностями. В дальнейшем такой сценарный подход получил распространение. Пример сценариев преступлений из работы [Herzog, 2006] приведен в Приложении 3. Также необходимо отметить, что и в работе [Sellin, Wolfgang, 1964] и в многочисленных последующих аналогичных исследованиях число преступлений (вернее, сценариев преступлений), которые нужно было ранжировать респондентам, не охватывало все статьи уголовного кодекса страны, в которой проводилось исследование, а ограничивалось в лучшем случае двумя – тремя десятками преступлений, заведомо сильно отличающихся друг от друга.

В работе [Sellin, Wolfgang, 1964] группы респондентов состояли из студентов университетов, полицейских, судей и случайно выбранных лиц. Респонденты оценили 141 правонарушение по двум разным шкалам: по интервальной шкале серьезности от 1 до 11 и по шкале отношений, сравнивающей серьезность правонарушения с показательным правонарушением без верхнего предела. На основе соотношений ответов авторы присвоили баллы серьезности каждому элементу преступного события; несмотря на различия в типах респондентов, они пришли к выводу, что между группами практически не было различий в ответах [Sellin, Wolfgang, 1964: 268].

В дальнейшем предложенная Селлином и Вольфгангом методология оценки сравнительного ущерба от правонарушений разных типов нашла свое продолжение и развитие в работах целого ряда криминологов и получила наименование «модели консенсуса» (см., в частности: [Adriaenssen et al., 2019; Borg et al., 2023; Eisner et al., 2017; Hsu, 1973; Rossi, Berk, 1997; Rossi, Henry, 1980; Thomas et al., 1976; Warr et al., 1982]; см. также обзоры работ [Stylianou, 2003; Sweeten, 2012]): «Модель консенсуса в уголовном праве постулирует тесное соответствие между отношением различных социальных групп к преступным деяниям и соответствующим наказаниям и их выражением в формальном уголовном праве» [Herzog, 2006: 58].

Иными словами, люди, принадлежащие даже не к одному обществу, а хотя бы к одной и той же культурной среде, выстраивают рейтинги преступлений весьма схожим образом; следовательно, можно с уверенностью говорить о достижении консенсуса если не в точных оценках ущерба от преступлений различных типов, то по крайней мере в ранжировании этого ущерба. В частности, в работе Borg et al. [2023] на основе опросов респондентов из трех крупных немецких городов представлен вывод об одномерности шкалы серьезности преступлений: «Об-

наруженная нами шкала по существу является одномерной и напоминает шкалы серьезности, обычно приводимые в литературе, от мелких правонарушений до серьезных преступлений. В отличие от предыдущих исследований, эта шкала представляет собой не просто автоматический продукт построения шкалы, такой как простое вычисление средних оценок... Скорее шкала встроена в двухмерную плоскость, где каждый человек представлен одной точкой, расположенной таким образом, что ее расстояния до точек преступления на шкале серьезности близко соответствуют наблюдаемому рейтингу каждого человека» [Borg et al., 2023: 779].

Другой интересный результат, в целом подтверждающий модель консенсуса, был получен в упомянутом уже исследовании [Herzog, 2006]. Эта работа основана на опросе, проведенном в Израиле, а израильское общество разделено как минимум по трем векторам: по национальности (евреи и арабы), по религиозности (атеисты и ортодоксальные иудеи) и, как любая другая страна иммигрантов, по месту рождения (родившиеся в Израиле и эмигранты). Существенное различие в градации серьезности правонарушений было обнаружено лишь между евреями и арабами и касалось лишь трех правонарушений: причинение тяжких телесных повреждений по личным мотивам (как реакция мужа на супружескую измену жены – см. Приложение 3) было поставлено евреями на третье место по серьезности из 18 предложенных для оценки сценариев правонарушений, а арабами – на тринадцатое место. Незаконные медицинские операции по прерыванию беременности заняли лишь четырнадцатое место в градации евреев и седьмое – в градации арабов. Торговля наркотиками оказалась третьим по серьезности преступлением для арабов и лишь десятым для евреев. Здесь, как и в более ранних работах, разница в рейтингах серьезности преступлений объясняется в первую очередь культурными различиями между респондентами. Именно этим, например, Hsu [1973] объясняет существенные отличия между рейтингами тяжести преступлений, полученными в опросах, проведенных в Пенсильвании и на Тайване.

Кроме того, в целом ряде работ была обнаружена отрицательная корреляция между оцениваемой респондентами серьезностью преступления и стандартными отклонениями ее оценки [Cullen et al., 1985; Levi, Jones, 1985; O'Connell, Whelan, 1996; Herzog, 2006]. Иными словами, чем более серьезным представляется людям правонарушение, тем меньше их расхождения в оценке уровня этой серьезности.

Несмотря на все перечисленные выше факты, не все криминологические исследования полностью поддерживают модель консенсуса. Существует и такая точка зрения, что невозможно сравнивать между собой преступления различных типов по размеру причиняемого ими обществу ущерба. К примеру, В. Гринфилд и Л. Паоли утверждают, что «можно надежно оценить ущерб от преступной деятельности, как показывают наши примеры, но невозможно — как по концептуальным, так и по техническим причинам — разработать всеобъемлющую оценку общего вреда от этой деятельности» [Greenfield, Paoli, 2013: 864].

Здесь необходимо пояснить, что криминологи обычно понимают под серьезностью преступления и как это соотносится с ущербом от него. Как правило, серьезность преступления в криминологических исследованиях включает в себя две составляющие: противоправность (*wrongfulness*) и вредность (*harmfulness*). Если второе связывают обычно с материальным ущербом от преступления (в том смысле, который в это вкладывают криминологи), то первое отражает моральную составляющую совокупного общественного ущерба от него[3].

Хотя на первый взгляд может показаться, что к общественному ущербу от правонарушения в утилитаристском, экономическом смысле этого слова имеет отношение лишь его вредность (*harmfulness*), это не так. Во-первых, на что обратил внимание еще Э. Дюркгейм [Durkheim, 1949], в обществе могут считаться преступлениями поступки, вообще не повлекшие за собой

3 Иногда к составляющим серьезности преступления добавляют также частоту, с которой они происходят, и/или частоту причинения общественного ущерба этими преступлениями [MacCoun, 1998; Sherman, 2007; Greenfield, Paoli, 2013; Adriaenssen et al., 2020].

материального ущерба для кого-либо: нарушение пищевого табу, сожжение флага или работа в шабат. Хотя значительная часть, если не большинство такого рода моральных нарушений, связано с религиозными нормами, существует и множество секуляристских запретов. К примеру, работающий в субботу человек в ортодоксальном квартале Иерусалима производит, без какого-либо выраженного материального ущерба, значительный отрицательный внешний эффект для окружающих.

Во-вторых, как справедливо отмечают правоведы, моральные ограничения чаще всего возникают как реакция на причиняемый соответствующими действиями ущерб [Duff, 2014].

В целом, как отмечалось выше, экономический подход к оценке общественного ущерба от преступлений включает в себя как материальную (*harmfulness*), так и моральную (*wrongfulness*) составляющие.

Нам же более интересным представляется вопрос, сформулированный М. Варром следующим образом: «Если людей просят оценить серьезность того или иного преступления, они отвечают, имея в виду вредность правонарушения, его противоправность или как-то взвешивают эти два фактора? Или они не видят разницы между этими двумя факторами?» [Warr, 1989: 797].

Эмпирические исследования показывают, что респонденты, как правило, включают в свои оценки серьезности правонарушений обе эти составляющие [Herzog, Einat, 2016; Adriaenssen et al., 2020]. Исследование [Warr, 1989] продемонстрировало, что примерно четверть респондентов присваивает всем преступлениям максимальный уровень моральной значимости, что представляется вполне логичным выбором: все преступления аморальны уже потому, что они являются нарушениями закона. Для остальных же респондентов при очень высокой корреляции между вредностью и противоправностью преступлений (r^2=0,85) была обнаружена следующая зависимость между серьезностью правонарушения и двумя этими составляющими [Warr, 1989: 809]:

$$Seriousness = -0,55 + 0,52 * Wrongfulness + 0,47 * Harmfulness \quad (15)$$

При этом $p < 0,001$ и $R^2 = 0,958$.

В целом, по итогам большого числа эмпирических исследований, так или иначе связанных с традицией, установленной Селлином и Вольфгангом, представляется совершенно корректным вывод М. Тонри: «Оценки гражданами серьезности преступлений говорят нам все, что нам нужно знать для вынесения приговоров и проведения пенитенциарной политики» [Tonry, 2015: 665].

У этого подхода есть как минимум два заметных недостатка. Во-первых, все опросы, проведенные по этой методике, ограничены по числу ранжируемых правонарушений: количество позиций в опросе существенно меньше числа преступлений в уголовном законодательстве, поэтому невозможно проранжировать все правонарушения в одном опросе. И это неудивительно, для проведения опроса, в котором необходимо сравнить друг с другом несколько сотен правонарушений, весьма трудно будет найти достаточное количество респондентов, и качество такого ранжирования с большой вероятностью будет ниже.

Во-вторых, применяемый в опросах сценарный подход представляется не всегда оправданным ограничением, которое позволяет сравнивать между собой по степени серьезности лишь конкретные преступления, а не их типы: к примеру, можно сравнить серьезность кражи, совершенной в определенных обстоятельствах и с определенными издержками для общества, с серьезностью аналогичного ограбления. Иными словами, изменение сценариев того и/или другого может привести к значимым изменениям в ранжировании.

В заключительном разделе настоящей статьи мы, помимо выводов, предлагаем также рекомендации по синтезу трех представленных в данной работе подходов для минимизации недостатков каждого из них и создания оптимальной, с точки зрения общественного благосостояния, шкалы наказания преступников.

5. Основные выводы и рекомендации

1. Общественно оптимальное наказание правонарушителей и с точки зрения правоведов, и с точки зрения экономистов (хотя и по разным причинам), по крайней мере в подавляющем большинстве случаев, должно быть пропорционально величине ущерба, причиненного их преступлением обществу.
2. Сколько-нибудь точное измерение этого ущерба в каждом конкретном случае не представляется возможным. Мы можем лишь с определенными оговорками утверждать, что объективно существуют более тяжкие (с точки зрения общественного благосостояния) и менее тяжкие преступления. Также с оговорками мы можем попытаться оценить относительные степени тяжести преступлений различных типов: насколько, например, среднее убийство обходится обществу дороже, чем среднее изнасилование, или среднее изнасилование – чем средняя кража со взломом и т.п.
3. Оценка общественного ущерба от правонарушений, основанная на бухгалтерском подходе (и, шире, на подходе «снизу вверх»), представляется значительно более реалистичной по сравнению с условной оценкой (или оценкой «сверху вниз») этого ущерба. Хотя бы потому, что в первом случае мы имеем дело с выявленными предпочтениями индивидов.
4. Представляется некорректной оценка, учитывающая только внешний ущерб от правонарушения (и тем более установление на основе такой оценки тяжести наказания за это правонарушение). Строго говоря, у нас нет ни одного сколько-нибудь убедительного основания для того, чтобы исключить полезности преступников из функции общественного благосостояния и не учитывать в этой функции получаемые ими доходы от правонарушений.
5. Предложенная в 1964 г. Селлином и Вольфгангом методика рейтингования тяжести преступлений на основе социологических опросов, во-первых, является эффективным инструментом оценки сравнительной тяжести преступлений различных типов, а во-вторых, такого рейтинга обществу вполне достаточно для установления тяжести наказания пропорционально общественному ущербу от преступления.
6. Перспективным направлением развития подхода, основанного на общественном мнении, нам представляется отказ от максимальной детализации типов преступлений, используемых в этих опросах, и переход к двухэтапной оценке. Первый этап представляет собой традиционное, основанное на результатах опросов ранжирование преступлений крупных типов, таких как, например, умышленное убийство в корыстных целях, или кража со взломом, или изнасилование и т.д. Второй этап – сравнительная оценка тяжести конкретного правонарушения в сравнении с тяжестью других правонарушений того же типа. Эта оценка может быть основана на более объективных методах, таких как бухгалтерский или оценка «снизу вверх». Иными словами, речь идет о синтезе подхода, основанного на общественном мнении, и более традиционных подходов к оценке общественного ущерба от преступлений.

Библиография

Кристи Н. (2011) Приемлемое количество преступлений. СПб.: Алетейя.

Adriaenssen A., Karstedt S., Paoli L., Visschers J. (2019) Taking Crime Seriously: Conservation Values and Legal Cynicism as Predictors of Public Perceptions of the Seriousness of Crime // International Criminal Justice Review: 29(4): 317–34. https://doi.org/10.1177/1057567718824391

Adriaenssen A., Paoli L., Karstedt S., Visschers J., Greenfield V.A., Pleysier S. (2020) Public Perceptions of the Seriousness of Crime: Weighing the Harm and the Wrong // European Journal of Criminology: 17(2): 127–50. https://doi.org/10.1177/1477370818772768

Anderson D.A. (2011) The Cost of Crime // Foundations and Trends in Microeconomics: 7(3): 209–65. https://doi.org/10.1561/0700000047

Andreoni J. (1991) Reasonable Doubt and the Optimal Magnitude of Fines: Should the Penalty Fit the Crime? // RAND Journal of Economics: 22(3): 385–95. https://doi.org/10.2307/2601054

Aos S., Phipps P., Barnoski R., Lieb R. (2001) The Comparative Costs and Benefits of Programs to Reduce Crime: A Review of National Research Findings with Implications for Washington State. In: B. Welsh (Ed.) Costs and Benefits of Preventing Crime. Routledge, 149–75. https://doi.org/10.4324/9780429501265-6

Atkinson G., Healey A., Mourato S. (2005) Valuing the Costs of Violent Crime: A Stated Preference Approach // Oxford Economic Papers: 57(4): 559–85. https://doi.org/10.1093/oep/gpi036

Basu K., Basu K., Cordella T. (2016) Asymmetric Punishment as an Instrument of Corruption Control // Journal of Public Economic Theory: 18(6): 831–56. https://doi.org/10.1111/jpet.12212

Bebchuk L.A., Kaplow L. (1992) Optimal sanctions when individuals are imperfectly informed about the probability of apprehension // Journal of Legal Studies: 21(2): 365–70. https://doi.org/10.1086/467910

Bebchuk L.A., Kaplow L. (1993) Optimal Sanctions and Differences in Individuals' Likelihood of Avoiding Detection // International Review of Law and Economics: 13(2): 217-24. https://doi.org/10.1016/0144-8188(93)90007-R

Becker G.S. (1968) Crime and Punishment: An Economic Approach // Journal of Political Economy: 76(2): 169–217. https://doi.org/10.1086/259394

Ben-Shahar O. (1997) Playing without a Rulebook: Optimal Enforcement When Individuals Learn the Penalty only by Committing the Crime // International Review of Law and Economics: 17(3): 409–21. https://doi.org/10.1016/S0144-8188(97)00021-5

Borg I., Hermann D., Bilsky W. (2023) The Perceived Seriousness of Crimes: Inter-Individual Commonalities and Differences // Quality & Quantity: 57: 765–84. https://doi.org/10.1007/s11135-022-01379-9

Bowles R., Garoupa N. (1997) Casual Police Corruption and the Economics of Crime // International Review of Law and Economics: 17(1): 75–87. https://doi.org/10.1016/S0144-8188(96)00056-7

Case K.E., Mayer C.J. (1996) Housing Price Dynamics within a Metropolitan Area // Regional Science and Urban Economics: 26(3-4): 387–407. https://doi.org/10.1016/0166-0462(95)02121-3

Chang J.-J., Lai C.C., Yang C.C. (2000) Casual Police Corruption and the Economics of Crime: Further Results // International Review of Law and Economics: 20(1): 35–51. https://doi.org/10.1016/S0144-8188(00)00020-X

Clark D.E., Cosgrove J.C. (1990) Hedonic Prices, Identification, and the Demand for Public Safety // Journal of Regional Science: 30(1): 105–21. https://doi.org/10.1111/j.1467-9787.1990.tb00083.x

Cohen M.A. (1998) The Monetary Value of Saving a High-Risk Youth // Journal of Quantitative Criminology: 14: 5–33. https://doi.org/10.1023/A:1023092324459

Cohen M.A. (2005) The Costs of Crime and Justice. Routledge, New York.

Cohen M.A., Miller T.R., Rossman S.B. (1994) The Costs and Consequences of Violent Behavior in the United States. In: A.J. Reiss Jr., J.A. Roth (Eds.) Understanding and preventing violence, vol. 4: Consequences and control. National Academy Press, Washington, DC, 67–166.

Cohen M.A., Piquero A.R. (2009) New Evidence on the Monetary Value of Saving a High-Risk Youth // Journal of Quantitative Criminology: 25: 25–49. https://doi.org/10.1007/s10940-008-9057-3

Cohen M.A., Rust R.T., Steen S., Tidd S.T. (2004) Willingness-to-Pay for Crime Control Programs // Criminology: 42(1): 89–110. https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.2004.tb00514.x

Cullen F., Link B., Travis L., Wozniak J. (1985) Consensus in Crime Seriousness: Empirical Reality or Methodological Artifact? // Criminology: 23(1): 99–118. https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.1985.tb00328.x

DeLisi M., Gatling J. (2003) Who Pays for a Life of Crime? An Empirical Assessment of the Assorted Victimization Costs Posed by Career Criminals // Criminal Justice Studies: 16(4): 283–93. https://doi.org/10.1080/0888431032000183489

DeLisi M., Kosloski A., Sween M., Hachmeister E., Moore M., Drury A. (2010) Murder by Numbers: Monetary Costs Imposed by a Sample of Homicide Offenders // The Journal of Forensic Psychiatry & Psychology: 21(4): 501–13. https://psycnet.apa.org/doi/10.1080/14789940903564388

Duff R.A. (2014) Towards a Modest Legal Moralism // Criminal Law and Philosophy: 8(1): 217–35. https://doi.org/10.1007/s11572-012-9191-8

Durkheim E. (1949) Division of Labor in Society. Free Press, Glencoe, IL.

Ehrlich I. (1996) Crime, Punishment, and the Market for Offenses // Journal of Economic Perspectives: 10(1): 43–67. https://doi.org/10.1257/jep.10.1.43

Ehrlich I. (2010) The Market Model of Crime: A Short Review and New Directions. In: B.L. Benson, P.R. Zimmerman (Eds.) Handbook on the Economics of Crime, Chapter 1. Edward Elgar Publishing, 3–23. https://doi.org/10.4337/9781849806206.00008

Eisner M., Murray A.L., Ribeaud D., Averdijk M., Gelder J.L. (2017) From the Savannah to the Magistrate Court: The Roots of Criminal Justice in Evolved Human Psychology. In: B. Jann, W. Przepiorka (Eds.) Social Dilemmas, Institutions, and the Evolution of Cooperation. de Gruyter, Berlin, Germany, 61–84. https://doi.org/10.1515/9783110472974-004

Feess E., Heesen E. (2002) Self-Reporting and Ex Post Asymmetric Information // Journal of Economics: 77(2): 141–53. https://doi.org/10.1007/s00712-001-0539-0

Friedman D., Sjostrom W. (1993) Hanged for a Sheep – the Economics of Marginal Deterrence // Journal of Legal Studies: 22(2): 345–66. https://doi.org/10.1086/468168

Garoupa N. (1997) The Theory of Optimal Law Enforcement // Journal of Economic Surveys: 11(3): 267–95. http://dx.doi.org/10.1111/1467-6419.00034

Garoupa N. (2001) Optimal Magnitude and Probability of Fines // European Economic Review: 45(9): 1765–71. https://doi.org/10.1016/S0014-2921(00)00084-2

Garoupa N., Jellal M. (2007) Further Notes on Information, Corruption, and Optimal Law Enforcement // European Journal of Law and Economics: 23(1): 59–69. https://doi.org/10.1007/s10657-007-9002-1

Gibbons S. (2004) The Costs of Urban Property Crime // Economic Journal: 114(499): 441–52. https://doi.org/10.1111/j.1468-0297.2004.00254.x

Gray C., Joelson M.R. (1979) Neighborhood Crime and the Demand for Central City Housing. In: C.M. Gray (ed.) The Costs of Crime. Sage, Beverly Hills, CA, 47–60.

Greenfield V.A., Paoli L. (2013) A Framework to Assess the Harms of Crimes // British Journal of Criminology: 53(5): 864–85. https://doi.org/10.1093/bjc/azt018

Harrison G., Rutström E.E. (2008) Experimental Evidence on the Existence of Hypothetical Bias in Value Elicitation Methods. In: C.R. Plott, V.L. Smith (Eds.). Handbook of Experimental Economics Results, Vol. 1 /North Holland, Amsterdam, 752–67. https://doi.org/10.1016/S1574-0722(07)00081-9

Heaton P. (2010) Hidden in Plain Sight: What Cost-of-Crime Research Can Tell Us about Investing in Police. Rand Corp., Santa Monica, CA. https://doi.org/10.7249/OP279

Hellman D.A., Naroff J.L. (1979) The Impact of Crime on Urban Residential Property Values // Urban Studies: 16(1): 105–12. https://doi.org/10.1080/713702454

Herzog S. (2006) Public Perceptions of Crime Seriousness: A Comparison of Social Divisions in Israel // Israel Law Review: 39(1): 57–80. https://doi.org/10.1017/S0021223700012917

Herzog S., Einat T. (2016) Moral Judgment, Crime Seriousness, and the Relations between Them: An Exploratory Study // Crime & Delinquency: 62(4) 470–500. https://doi.org/10.1177/0011128712466889

Hsu M. (1973) Cultural and Sexual Differences in the Judgment of Criminal Offenses: A Replication Study of the Measurement of Delinquency // Journal of Criminal Law and Criminology: 64(3): 348–53. https://doi.org/10.2307/1142378

Ihlanfeldt K., Mayock T. (2010) Panel Data Estimates of the Effects of Different Types of Crime on Housing Prices // Regional Science and Urban Economics: 40(2-3): 161–72. https://doi.org/10.1016/j.regsciurbeco.2010.02.005

Innes R. (1999) Remediation and Self-Reporting in Optimal Law Enforcement // Journal of Public Economics: 72(3): 379–93. https://doi.org/10.1016/S0047-2727(98)00101-7

Kain J., Quigley J. (1970) Measuring the Value of Housing Quality // Journal of the American Statistical Association: 65: 532–48. http://dx.doi.org/10.1080/01621459.1970.10481102

Lambsdorff J., Nell M. (2007) Fighting Corruption with Asymmetric Penalties and Leniency / CEGE Discussion Papers, No. 59, University of Göttingen, Center for European, Governance and Economic Development Research (CEGE), Göttingen.

Levi M., Jones S. (1985) Public and Police Perceptions of Crime Seriousness in England and Wales // British Journal of Criminology: 25(3): 234–50. https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.bjc.a047529

Linden L.L., Rockoff J.E. (2008) Estimates of the Impact of Crime Risk on Property Values from Megan's Laws // American Economic Review: 98(3): 1103–27. https://doi.org/10.1257/aer.98.3.1103

Lott J.R. Jr., Roberts R.D. (1989) Why Comply: One-Sided Enforcement of Price Controls and Victimless Crime Laws // Journal of Legal Studies: 18(2): 403–14. https://doi.org/10.1086/468152

Ludwig J., Cook P.J. (2001) The Benefits of Reducing Gun Violence: Evidence from Contingent-Valuation Survey Data // Journal of Risk and Uncertainty: 22(3): 207–26. https://doi.org/10.1023/A:1011144500928

Lynch A.K. (2010) The Economic Costs of Criminal Activity: A Discussion of Methodological Approaches and Empirical Estimates. In: B.L. Benson, P.R. Zimmerman (Eds.) Handbook on the Economics of Crime, Chapter 11. Edward Elgar Publishing, 279–302. https://doi.org/10.4337/9781849806206.00020

Lynch A.K., Rasmussen D.W. (2001) Measuring the Impact of Crime on House Prices //Applied Economics: 33(15): 1981–9. https://doi.org/10.1080/00036840110021735

MacCoun R.J. (1998) Toward a Psychology of Harm Reduction // American Psychologist: 53(11): 1199–208. https://doi.org/10.1037/0003-066X.53.11.1199

McCollister K.E., French M.T., Fang H. (2010) The Cost of Crime to Society: New Crime-Specific Estimates for Policy and Program Evaluation // Drug and Alcohol Dependence: 108(1-2): 98–109. https://doi.org/10.1016%2Fj.drugalcdep.2009.12.002

Miller T.R., Cohen M.A., Rossman S.B. (1993) Victim costs of violent crime and resulting injuries // Health Affairs: 12(4): 186–97. https://doi.org/10.1377/hlthaff.12.4.186

Miller T.R., Cohen M.A., Wiersema B. (1996) Victim Costs and Consequences: A New Look. U.S. Department of Justice, Office of Justice Programs, National Institute of Justice, Washington, D.C.

Mookherjee D., Png I.P.L. (1994) Marginal Deterrence in Enforcement of Law // Journal of Political Economy: 102(5): 1039–66. https://doi.org/10.1086/261963

O'Connell M., Whelan A. (1996). Taking Wrongs Seriously: Public Perceptions of Crime Seriousness // British Journal of Criminology: 36(2): 299–318. https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.bjc.a014087

Paoli L., Greenfield V.A. (2013) Harm: A Neglected Concept in Criminology, a Necessary Benchmark for Crime Control Policy // European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice: 21(3-4): 359–77. https://doi.org/10.1163/15718174-21042034

Polinsky A.M., Shavell S. (1984) The Optimal Use of Fines and Imprisonment // Journal of Public Economics: 24(1): 89–99. https://doi.org/10.1016/0047-2727(84)90006-9

Polinsky A.M., Shavell S. (1991) A Note on Optimal Fines When Wealth Varies among Individuals // American Economic Review: 81(3): 618–21.

Polinsky A.M., Shavell S. (1992) Enforcement Costs and the Optimal Magnitude and Probability of Fines // Journal of Law and Economics: 35(1): 133–48. https://doi.org/10.1086/467247

Polinsky A.M., Shavell S. (2001) Corruption and Optimal Law Enforcement // Journal of Public Economics: 81(1): 1–24. https://doi.org/10.1016/S0047-2727(00)00127-4

Polinsky A.M., Shavell S. (2007) The Theory of Public Enforcement of Law. In: A.M. Polinsky, S. Shavell (Eds.) Handbook of Law and Economics, Volume 1. Elsevier, North-Holland, Amsterdam and Boston, 403–54. https://doi.org/10.1016/S1574-0730(07)01006-7

Privileggi F., Marchese C., Cassone A. (2001) Agent's Liability Versus Principal's Liability When Attitudes toward Risk Differ // International Review of Law and Economics: 21(2): 181–95. https://doi.org/10.1016/S0144-8188(01)00055-2

Rossi P.H., Berk R.E. (1997) Just Punishments: Federal Guidelines and Public Views Compared. Aldine, New York.

Rossi P.H., Henry P. (1980) Seriousness: A Measure for All Purposes? In: M. Klein & K. Teilmann (Eds.) Handbook of Criminal Justice Evaluation. Sage, Beverly Hills, CA, 489–505.

Schwartz A.E., Susin S., Voicu I. (2003) Has Falling Crime Driven New York City's Real Estate Boom? // Journal of Housing Research: 14(1): 101–35.

Sellin T., Wolfgang M. (1964) The Measurement of Delinquency. Wiley, New York.

Shavell S. (1987) The Optimal Use of Nonmonetary Sanctions as a Deterrent // American Economic Review: 77(4): 584–92. URL: https://www.jstor.org/stable/1814532

Shavell S. (1992) A Note on Marginal Deterrence // International Review of Law and Economics: 12(3): 345–55. https://doi.org/10.1016/0144-8188(92)90013-H

Sherman L.W. (2007) The Power Few: Experimental Criminology and the Reduction of Harm. The 2006 Joan McCord Prize Lecture // Journal of Experimental Criminology: 3(4): 299–321. https://doi.org/10.1007/s11292-007-9044-y

Stylianou S. (2003) Measuring Crime Seriousness Perceptions: What Have We Learned and What Else Do We Want to Know // Journal of Criminal Justice: 31(1): 37–56. https://doi.org/10.1016/S0047-2352(02)00198-8

Sweeten G. (2012) Scaling Criminal Offending // Journal of Quantitative Criminology: 28(3): 533–57. https://doi.org/10.1007/s10940-011-9160-8

Thaler R. (1978) A Note on the Value of Crime Control: Evidence from the Property Market // Journal of Urban Economics: 5(1): 137–45. https://doi.org/10.1016/0094-1190(78)90042-6

Thomas C., Cage R., Foster S. (1976) Public Opinion on Criminal Law and Legal Sanctions: An Examination of Two Conceptual Models // Journal of Criminal Law and Criminology: 67(1): 110–6. https://doi.org/10.2307/1142462

Tonry M. (2015) The Fog around Cost-of-Crime Studies May Finally Be Clearing // Criminology & Public Policy: 14(4): 653–71. https://doi.org/10.1111/1745-9133.12170

Troy A., Grove J.M. (2008) Property Values, Parks, and Crime: A Hedonic Analysis in Baltimore, MD // Landscape and Urban Planning: 87(3): 233–45. https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2008.06.005

Warr M. (1989) What is the Perceived Seriousness of Crimes? // Criminology: 27(4): 795–822. https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.1989.tb01055.x

Warr M., Gibbs J., Erickson M. (1982) Contending Theories of Criminal Law: Statutory Penalties versus Public Preferences // Journal of Research in Crime and Delinquency: 19(1): 25–46. https://doi.org/10.1177/002242788201900103

Wellford C.F., Wiatrowski M. (1975) On the Measurement of Delinquency // Journal of Criminal Law and Criminology: 66(2): 175–88. https://doi.org/10.2307/1142781

Другие источники информации

Уголовный кодекс Российской Федерации (1996) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

Приложение 1

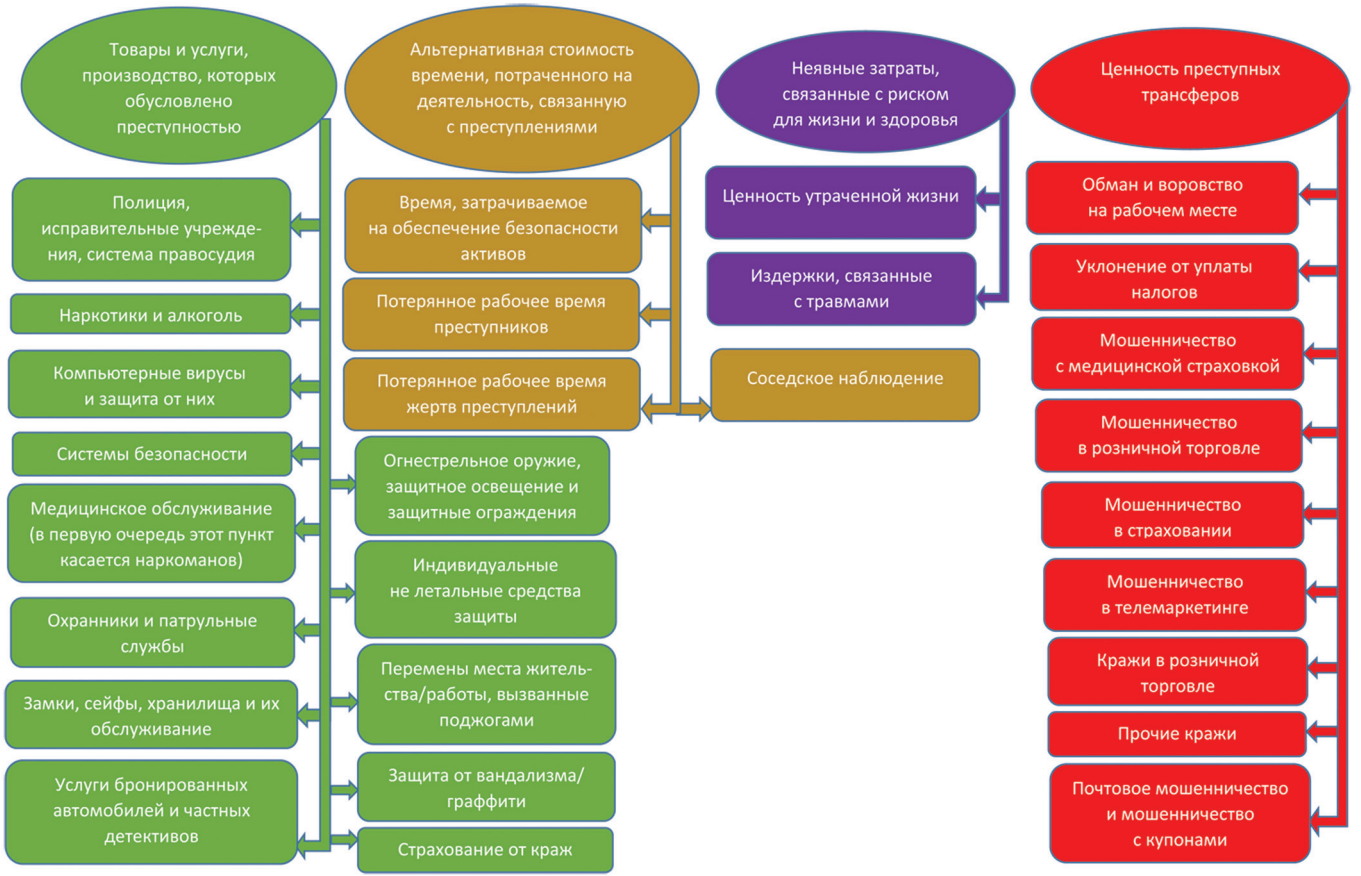

Рисунок 1. Типология общественных потерь от преступлений по Д. Андерсону

Приложение 2

Таблица П1. Альтернативные оценки издержек преступлений (USD 2022)[4]

Тип преступления	Бухгалтерский подход			Оценка “снизу вверх”			Метод условной оценки	
	Miller et al. [1993]	Miller et al. [1996]	Aos et al. [2001]	Cohen, Piquero [2009]	McCollister et al. [2010]	DeLisi et al. [2010]	Cohen et al. [2004]	Cohen, Piquero [2009]
Убийство (homicide)	5 755 298	6 082 844	6 142 630	7 211 000	12 473 665	7 170 114	16 741 515	17 017 960
Изнасилование (rape)	111 648	172 768	513 420	216 330	334 342	210 266	409 045	418 238
Вооруженное ограбление (armed robbery)	-	-	-	72 110	-	67 859	-	403 816
Ограбление (robbery)	45 874	25 815	304 501	33 171	58 752	-	184 191	56 246
Вооруженное нападение (serious/ aggravated assault)	34 697	29 787	146 560	79 321	148 608	80 948	120 815	122 587
Кража со взломом (burglary)	-	-	-	7 211	-	7 540	43 148	50 477
Обычная кража (larceny/theft/stolen property)	-	735	31 575	4 038	4 905	-	-	5 769
Угон автомобиля (motor-vehicle theft)	-	7 943	-	12 980	14 958	-	-	24 517
Поджог (arson)	58 182	74 469	-	86 532	29 304	-	-	165 853

4 Курс доллара США пересчитан по данным https://www.inflationtool.com/.

Приложение 3

Таблица П2. Сценарии преступлений, предложенные респондентам, и соответствующие преступления [Herzog, 2006]

№	Сценарий	Преступление
1	35-летний араб подозревает, что жена ему изменяет. Поэтому, отведя своих детей в школу и оставшись с ней наедине, он несколько раз ударил ее ножом, что привело к ее немедленной смерти	Убийство (жены) по личным мотивам
2	32-летний арабский бизнесмен подает налоговую декларацию, в которой указывает заниженный доход	Уклонение от уплаты налогов
3	Ночью 27-летний еврей пробирается через окно в квартиру незнакомца, крадет деньги и драгоценности на сумму 10 000 шекелей и уходит тем же путем, каким вошел	Квартирная кража
4	48-летний арабский мужчина входит в свой дом раньше обычного, обнаруживает свою жену в постели с другим мужчиной, избивает ее, нанося ей тяжелые телесные повреждения	Причинение тяжких телесных повреждений (жене) по личным мотивам
5	46-летнего еврея вызывают в полицейский участок для дачи показаний о соседе, подозреваемом в совершении правонарушения. С целью защитить соседа, который действительно совершил правонарушение, он дает ложные показания	Лжесвидетельство
6	27-летний еврей приглашает на свидание девушку своего возраста и во время встречи принуждает ее вступить с ним в половую связь. Девушка решительно сопротивляется, но не может его одолеть	Изнасилование (девушки)
7	35-летний еврей угрожает причинить вред своему другу, если тот расскажет полиции о совершенном им незаконном деянии	Угроза свидетелю
8	В обстановке политического противостояния 28-летний араб бросает бомбу с зажигательной смесью в еврейский магазин в соседнем поселении и поджигает его	Поджог (магазина)
9	30-летний араб продает марихуану и гашиш у себя дома	Продажа наркотиков
10	35-летний еврей за рулем автомобиля спорит с водителем-арабом по поводу места для парковки на главной улице. Во время ссоры первый вытаскивает нож и наносит удар в грудь второму, мгновенно убивая его	Незапланированное (уличное) убийство
11	30-летний араб заходит в ювелирный магазин и, угрожая пистолетом, берет из кассы 10 000 шекелей	Ограбление магазина
12	32-летний еврейский мужчина вступил в половую связь с 15-летней девушкой. Отношения носят взаимный характер. Мужчина знает возраст девушки	Незаконные сексуальные отношения
13	42-летний арабский врач проводит нелегальные аборты в своей частной клинике	Незаконный аборт
14	Во время ожесточенных столкновений на оккупированных территориях 25-летний еврей заходит в кофейню арабского поселения и бросает гранату, в результате чего мгновенно погибает мужчина	Убийство по идеологическим соображениям

№	Сценарий	Преступление
15	45-летний еврей заходит в часовую мастерскую, смотрит на полки и, пока никто не видит, умудряется сунуть в карман часы стоимостью 500 шекелей. Он уходит из магазина, не заплатив за них	Кража (часов)
16	43-летний арабский владелец гаража выставляет клиенту счет за ремонт автомобиля, включая 500 шекелей за автомобильные детали, которые он на самом деле не заменял	Мошенничество
17	45-летний еврейский служащий, работающий в муниципалитете, получает от подрядчика 10 000 шекелей, а взамен помогает ему выиграть тендер на строительство нового жилого района в городе	Получение взятки
18	42-летний арабский полицейский ведет расследование в отношении подозреваемого еврея. Чтобы добиться обвинительного приговора, он решает скрыть улики, доказывающие невиновность подозреваемого	Сокрытие доказательств

Сведения об авторе

■ Калягин Григорий Владимирович – к.э.н., доцент. Экономический факультет МГУ им. Ломоносова. Москва, 119991, Россия. e-mail: gkalyagin@yandex.ru